

Спор о Демократии

Демократия — одно из самых «ударных» понятий нашего дня. Одни лезут на стену в ее защиту, другие готовы братья за ножи при одном о ней упоминании. Но многие ли знают что, в сущности, они защищают или отвергают?

Понятие демократии еще, будто нарочно, затуманивается всякими «идеологическими» прилагательными: демократия советская, буржуазная, формальная, реальная, авторитарная, социальная, и т. д. Как будто то или иное добавочное определение может изменить сущность. — Или демократия есть, или ее в данном случае нет. И никакие казуистические «колениа», в виде удобных прилагательных, тут не помогут. Позвидимо, это начинают понимать и ведущие руководители мировой политики. — Один пример из тысячи. До последнего времени итальянский фашизм определял себя, как авторитарную демократию. В одной же из своих последних речей Дуче впервые четко противопоставил в Европе фашизм — демократии, как таковой.

Из всех псевдо-демократий наиболее лживой и цинично-фальшивой является, конечно, так называемая «советская демократия». И однако, находятся миллионы наивных (по сю и по ту сторону рубежа), которые в эту «демократию» верят (или делают вид, что верят?). Истина лишь в том, что во внешней политике СССР находится в демократическом «буржуазном» блоке, противостоящем блоку однопартийных диктатур (по ленинскому образцу!), — диктатур, охотно подчеркивающих свою «пролетарскую» и «антикапиталистическую» сущность.

Не ирония ли это истории? Две «антикапиталистических» однопартийных диктатуры образуют блок — против своего прототипа. А прототип «пролетарского» государства сближается с государствами явно капиталистическими и буржуазно-демократическими.

Неужели же в основе трагических и глубоких конфликтов, которые сейчас буквально потрясают мир, лежит спор о словах?

— Нет. Конечно, нет. Под фразеологией скрывается другая сущность. И сознательно-туманная терминология имеет целью лишь эту сущность замаскировать. Но массы идут на удочку.

— Подумаете ли вы, что, на самом деле, итальянскому фашизму

надо просто втянуть Испанию в свою орбиту в целях более успешной борьбы с Англией в Средиземном море; — что Японии нужен китайский плацдарм и живой материал для ее «мессинской роли»: борьбы с «белыми дьяволами»; — что расистская Германия поддерживает не-арийскую Японию против арийской России, семитов арабов против англичан, принадлежащих к германской расе, не-арийцев венгров против арийцев чехов, и все это — с единой (и извечной) целью: пожить за счет слабых соседей; — а «большевики» пользуются коминтерном и иностранными компартиями для укрепления своей и своих союзников обороны?..

Права ли фашистская Италия, соперничающая с Британской Империей? — Права ли германские «наци», желая пожрать своих слабых соседей? — Права ли «большевики», пытаясь защищать национальные интересы России при помощи интернационала? — Права ли Япония, веруя, что страна Восходящего Солнца предназначена быть гегемоном мира? — Вопрос сейчас не в этом.

Что же такое демократия? Некоторым кажется, что ответ вполне ясен: Демократия, это — народоправство. Но тогда возникает вопрос, а что такое народоправство? Т. е. получается логическая ошибка определения одного неизвестного через другое.

Формально народоправство (или демократия) может обозначать: во первых, что народ сам является своим правительством (это — самый точный этимологический смысл); или, во вторых, что правительство «зависит» в той или иной степени от «воли народа». Но первое определение просто бессмысленно. Во всех демократических странах есть дифференцированное (т. е. отличное от народа) правительство и органы власти. А теоретики права нас учат, что вообще, где есть человеческое общество, там есть и власть; а значит, есть правящие и управляемые. Ни наука права, ни история, ни этнология, не знают такого общества (хотя бы самого примитивного), где бы не было этого разделения: на правящих и управляемых. Остается второе значение. Но, в той или иной степени, всякое правительство зависит от «воли народа». Если в первом случае выходило, что демократий совсем нет, то во втором получается, что все страны суть демократии, — не только СССР, Германия и Италия, с их формальным народным волеизъявлением, плебисцитами, выборами и голосованиями, — но и вообще всякое государство с любым режимом и с любым строем. Известно (для этого надо знать только общие основы права и немного социологии), что факт власти — явление сложное, которое в конечном счете упирается в социальную, или коллективную психологию. Психология же эта, в той или иной степени, заключает в себе и «волю народа», — хотя, впрочем, следует отметить, что воля народа — чисто пассивна и выражается отрицательно (в consensus'е, т. е. в приятии или неприятии).

— Действительно, ведь фактической материальной (а не психо-

логической) силы у правительства вне того же па-
рода нет. Вне исключительного случая многогранного завоева-
ния, низовые органы власти — тот же народ. И если они централь-
ным органам повинуются (пока повинуются!), то только потому, что
действует тот же *consensus*. При этом «во-
ли народа» достаточно велики, то народ берется за вилы. Это —
«первый звоночек», элементарный «плебисцит». Он не обязательно
обозначает «отставку» существующего правительства. Народ никогда
не монолитен абсолютно, и низовые органы власти, до штыков вклю-
чительно, могут обеспечить данному правительству власть. Но не
безгранично. Если «ножницы» все увеличиваются, наступает второй
акт: свои же штыки оборачиваются против упорствующего в своем
непризнании «воли народа» правительства. Данное правительство
уходит со сцены. Декорация меняется. Народ выявил свою «волю».
Надолго ли, это — другой вопрос. Итак, следовательно, в той или
иной степени, от «воли народа» зависят все правительства.

Значит, формальный критерий для определения демократии не
годится. Курьеза ради, можно еще добавить, что формаль-
но, например, Третий Рейх — демократия. Демократия — и
СССР. А Англия (формально) — не демократия, а наследственная
монархия, и правительство в Англии — Его Величества.

И в то же время, мир постепенно разделяется на два лагеря:
за или против именно демократии. (Капитализм или социа-
лизм, «буржуазность» или «пролетарскость», монархия или респу-
блика — все эти споры отходят явно на второй план).

Значит, демократия — понятие более глубокое, категория ско-
рее социально-психологическая, а не только политическая; и опре-
делять ее надо по содержанию, а не по форме.

Реально, по содержанию, демократия означает
совокупность определенных принци-
пов. Где эти принципы налицо, там — демократия, а где
оных принципов нет, — нет и демократии. И никакая фразеология
этого не изменит. (Однако, возможны, конечно, различные сте-
пени приближения. С этой точки зрения, одни государства мо-
гут быть более, а другие менее демократичны. Но
по существу, это ничего не меняет).

Каковы же эти принципы? Дать исчерпывающую
характеристику в короткой статье трудно. Но наметить общие черты
можно. Сведем их к семи положениям.

- 1) Свобода совести и культов.
- 2) Свобода слова, мысли, печати,
и научного творчества.
- 3) Свобода политическая — для всех, —
и особенно для оппозиции.
Где недопустима оппозиция, там нет демократии. Наличие
или отсутствие оппозиции — один из наиболее бьющих в
глаза критериев. Абсурдно утверждение, что, дескать, де-
мократия дает свободу только сторонникам правящего

большинства (а иногда еще добавляют — правящего меньшинства). Своим сторонникам дает свободу и поощрение всякое правительство, и особенно — недемократическое. Вопрос о границах допустимой оппозиции (в демократиях) решается реально, т. е. психологически общества, его культурными и правовыми понятиями.

- 4) Представительные учреждения — эффективные и реальные, а не формальные и фиктивные.
- 5) Свободные выборы.
- 6) Ответственное министерство.
- 7) Независимые суды.

И опять же, — ответственное правительство, независимые суды — все это с грузом поддается формальному определению, но совершенно реально «чувствуется», «переживается».

Существенно же не то или иное отдельное установление или мероприятие, а вся совокупность, составляющая определенный социально-психологический климат (как принято теперь выражаться).

Вышеизложенным опровергается еще одна басня о демократии, — как о «правлении» или даже «тирании большинства».

Большинство, подавляющее большинство народа, всегда пассивно и аполитично в самом буквальном смысле слова. И подлинный народ уж никогда никого не насилует. (За исключением, разве уж таких вспышек отчаяния, как разинщина, пугачевщина или крестьянские войны в германском средневековье. Но это только мгновения в истории. На протяжении же веков народ — всегда объект, а не субъект насилия и тирании. И много надо, чтоб вывести народ, подлинный народ, из себя. Пример — «Октябрь». Жестоко ошибаются те, которые думают, что «Октябрь» подготовили «несколько евреев и массонов». Октябрь подготовили века русского средневековья. И разинщина, и пугачевщина — только пролог и предостережения, с которыми никто не желал считаться).

В наше время, недемократические режимы, будь-то «правые», будь-то «левые», «революционные» или «реакционные», — все они правят от имени большинства, от имени народа, но народа не спрашивая и с ним не считаясь. Народу остается только применять свою «санкцию», когда уж очень тошно ему приходится. «Санкция» эта называется революцией, бунтом, беспорядками и т. д.

Если «санкций» длительное время нет (бывают «санкции» и неудачные; тогда это лишь отсрочка), значит, в общем и целом, правительство аполитичную массу удовлетворяет. (Массовый исход, или эмиграция, — одна из наочевиднейших «санкций», хотя и пассивная. Наличие политической эмиграции — тоже один из ярких показателей недемократичности режима. Но тут могут быть степени).

Демократический режим заключается в том, что правительство

систематически и организовано консультирует аполитичную массу и с ней не может не считаться. Поэтому в правильно действующих демократиях опасность «санкций» сведена к нулю.

Воля народа отнюдь не значит: воля толпы или воля масс. Практически, воля толпы («воля масса») обозначает: волю вожakov, профессиональных революционеров или застрельщиков. Им то, именно в истинной демократии, нет возможности развернуться. Ибо демократическая система и обеспечивает подлинное волеизъявление подлинного народа (а не только толпы, или масс). Где демократии нет, там — полный простор для фальсификации «голоса народа» и, следовательно, широкие возможности для всяких авантюристов, корыстных или бескорыстных (бывают и такие).

Существуют, конечно, разновидности демократии, т. е. разные способы ее осуществления. И способы эти могут быть более удачными или менее удачными, лучшими или худшими. Поэтому поиски новых форм и путей несколько демократам не заказаны. Наоборот. Парламентаризм, плебисцитарная система, региональная система, наконец, «иерархическая система», — все это суть разные способы, но не сама демократия. Их оценка — особая тема. Сейчас наша задача — схватить сущность, то общее, что присутствует в каждой форме. В конечном итоге, демократия — динамический идеал, цель которого — свобода, в ее общественном аспекте.

Понятия свободы и демократии неотделимы одно от другого. И не случайно демократия тесно переплелась с христианским гуманизмом. Для человека свобода нужна, как воздух, т. е. до и больше хлеба.

Совершенно не справедливо демократии приписывать анархичность. Анархия — отрицание свободы, а не максимальное ее осуществление. Если и в демократиях свобода еще недостаточно обеспечена, — вина в этом демократов, а не демократии.

Сейчас, ради хлеба люди отказываются от свободы. Напрасная жертва. Свободу они теряют, но хлеба не приобретают. Ибо оказывается, что и для материального благосостояния прежде всего нужна свобода.

Революции имеют смысл в недемократических странах, когда надо «клин клином вышибать». А там, где демократия уже есть, дилемма ставится так: или социальное углубление и экономическая реформация демократии, или тоталитарные и прочие опыты.

Проблематика тоталитарных идеологий — все та же тема Великого Инквизитора Достоевского: дать людям материальное благосостояние, отнять свободу. Но творчество, созидание, без свободы невысказано. Без свободы можно разрушать, либо вы-

полнять чисто отрицательные задачи (оборона, борьба со стихийными бедствиями). Когда же нужно восстанавливать, строить, оказывается, что чего то, и самого основного, не хватает. И никакие расстрелы, концлагери, доносы, истязания тут ничем не помогут.

Однако, это не исключает отдельные и крупные успехи у диктаторских режимов. Например, осушение понтийских болот и завоевание Эфиопии — в Италии; восстановление военной мощи — в Германии; почти поголовная грамотность, лучшая в мире авиация, гиганты тяжелой индустрии — в России. Спрашивается только, не являются ли эти успехи лишь мертвым вкладом в будущее, вкладом, который будет реализован более гуманными (человечными) режимами?

Лев Закутия.

Уроки Революции

В настоящее время все моральные и правовые устои общественной жизни настолько подвергнуты сомнению и критике, что стало трудно опираться на что либо в оценке текущих событий. На любой факт, на любой поступок или происшествие, существует множество исключаящих одна другую точек зрения, и признание одной из них за правильную стало просто на просто делом вкуса или личного интереса.

Современное положение в мире было отлично охарактеризовано проф. Алексеевым в одном из его докладов. «На арену жизни, говорил он, выходят многомиллионные массы без догмата, без твердых моральных устоев, без заповедей. Старые религиозные и правовые ценности в глазах этих масс потеряли свою обязательность. Собственность прекратила свое идейное существование. Основные категории общественной жизни, как господин и слуга, хозяин и работник, стали непереносимы для современного сознания... «Но где массы, там и их вожди, и вот, как грибы после дождя, растут диктатуры. Прежние идеологии, основанные на христианстве, им оказались необходимым заменить чем то иным, — появляются идеократии: марксизм, фашизм, расизм.»

После такой характеристики возникает вопрос: как бороться с этими разрушительными веяниями, существует ли лекарство для сознания, больного неверием? И одни видят это лекарство в создании новой религиозной культуры, другие — в сохранении верности принципам демократии, третьи — в организации труда и досуга... Мне думается, ответ мы можем получить в результате точного и добросовестного анализа событий, происшедших и происходящих на нашей Родине. Такие уроки не должны пропадать даром.

Мы видели, как произошло у нас беспримерно-полное торжество представителей марксистского сознания, этого страшного со-